

Эволюция экономических систем в эпоху смены технологических укладов: от рыночного фундаментализма к интегральному платформенному порядку

Глушак Николай Владимирович

Доктор экономических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: GNW3@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

технологический уклад, мирохозяйственный уклад, платформенная экономика, цифровые платформы, транзакционные издержки, экосистемная рента, опережающее развитие, алгоритмическое управление, сетевые эффекты

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется эволюция экономических систем в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов, ускоренной цифровизацией и распространением платформенных бизнес-моделей. Цель исследования состоит в обосновании платформенной экономики как качественно нового интегрального порядка, сочетающего рыночные механизмы, иерархическую координацию и алгоритмическое управление. Методологическую основу составили системный, институциональный, сравнительный и эволюционный подходы, теория технологических укладов, а также методы теоретического моделирования и компаративного анализа международной регуляторной практики. Эмпирическую базу образовали научные публикации, открытая статистика, документы международных организаций и нормативные акты, характеризующие развитие платформенного сектора и современные подходы к его государственному регулированию. Показано, что цифровые платформы выполняют функции метainститутов и частных регуляторов: формируют правила доступа и взаимодействия, управляют информационными потоками, ценообразованием и конкуренцией, концентрируя инфраструктурную власть у владельцев данных и алгоритмов. Научная новизна заключается в разработке концепции переконфигурации транзакционных издержек. Установлено, что снижение издержек поиска, измерения качества и заключения контрактов сопровождается ростом издержек переключения, подчинения алгоритмам, адаптации к одностороннему изменению правил и потери приватности. Данная трансформация создает устойчивую зависимость участников от платформ и служит источником экосистемной ренты. Сравнение европейской, китайской и американской моделей регулирования выявило различия между жестким предварительным контролем, гибким сочетанием экс-пост и экс-ант инструментов и прецедентным антиitrustовым подходом. Сделан вывод, что для России целесообразна дифференцированная регуляторная стратегия, учитывающая стадию развития платформ, поддерживающая национальные цифровые экосистемы и одновременно ограничивающая злоупотребление рыночной властью. Практическая значимость результатов связана с формированием политики опережающего развития, ориентированной на технологический суверенитет, инвестиции в новый уклад и использование платформенной инфраструктуры в общественных интересах.

JEL codes: B52, O33, L86, L40, P10.

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-46-60>

Для цитирования: Глушак, Н.В. Эволюция экономических систем в эпоху смены технологических укладов: от рыночного фундаментализма к интегральному платформенному порядку / Н.В. Глушак. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.46-60. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Современная экономика столкнулась с системным кризисом, который, судя по всему, носит не циклический, а глубинный, структурный характер. Синхронно происходит смена как доминирующих технологических, так и мирохозяйственных укладов. По словам академика РАН С.Ю. Глазьева, главный мировой вызов сегодня — это именно смена технологических и мирохозяйственных укладов, которая разворачивается на фоне технологической революции и серьезных изменений в системах управления экономическим развитием на национальном и международном уровнях [4, с. 1]. Либеральная доктрина, особенно в ее западной версии, с верой в «невидимую руку рынка» и приоритетом денежного капитала над производительным, показала свою несостоятельность. Для стран, которые запоздают с созданием производств нового уклада, велик риск надолго — примерно на четверть века — застрять в ловушке догоняющего развития, упустив очередное «окно возможностей» [4, с. 2].

На смену этим устаревшим представлениям приходит взгляд на экономику как на сложный, иерархически выстроенный организм, развитие которого подчинено законам смены технологических укладов. Цифровая революция — это не просто очередной этап научно-технического прогресса, а основа формирующегося шестого технологического уклада. Цифровизация прошла несколько этапов: с 1960-х по 1990-е (автоматизация отдельных процессов), с 1990-х по 2000-е (развитие сетей и интернет-торговли), с 2000-х по 2010-е (мобильные технологии и платформы) и с 2010-х по настоящее время, когда ключевую роль играют искусственный интеллект, большие данные и блокчейн [1, с. 7]. Ядро нового уклада — это нано-, биоинженерные, аддитивные технологии и, безусловно, цифровые, включая платформенные решения и ИИ.

В такой реальности Amazon, Alibaba, Яндекс или Wildberries — это уже не только новые бизнес-модели, а зачатки нового мирохозяйственного уклада, которые вступают в противоречие со старой институциональной средой, созданной под задачи индустриального капитализма. В современной научной литературе по экономике есть заметный пробел: платформы часто рассматривают либо сквозь призму теории двухсторонних рынков (с упором на сетевые эффекты и цены), либо в русле институциональной теории (где главное — снижение транзакционных издержек). Однако за рамками анализа остается понимание платформ как новых мета-институтов. Они не только снижают издержки, но также формируют собственную нормативную среду и по-новому распределяют власть в экономике [2, с. 57]. Авторы монографии под редакцией Е.В. Попова справедливо замечают, что появление интернет-площадок для краудсорсинга, обмена знаниями и услугами меняет и повседневность, и ведет к возникновению принципиально новых общественных институтов [7, с. 5].

Важно понимать и технологическую подоплеку этих сдвигов. Как отмечается в прогнозе Cloud Native Computing Foundation, ИИ постепенно эволюционирует от простого помощника до агента, которому делегируют критические задачи — от обеспечения ресурсами до реакции на инциденты [11, с. 1]. Так, экономика становится программно-управляемой. Четыре ключевых элемента контроля — «золотые пути», «ограждения», «страховочные сети» и «ручные проверки» — создают адаптивную и безопасную основу для управления высокоскоростной инфраструктурой [11, с. 2]. Это, в свою очередь, ставит принципиально новые вопросы о том, что такое экономическая власть сегодня и как она реализуется. Современные исследования в области блокчейн-технологий показывают, что платформенные решения на базе распределенного реестра и смарт-контрактов способны качественно изменить природу договорных отношений, создавая прозрачную среду транзакций и дополнительно сокращая транзакционные издержки [28;16].

Основная цель работы — проанализировать, как именно платформизация меняет экономический порядок, и предложить теоретическую рамку, которая была бы полезна для решения задач опережающего развития России. В рамках этой цели нужно решить несколько задач:

1. Обобщить существующие теоретические подходы к эволюции экономики и понять, насколько они применимы для анализа платформенной экономики.

2. Сравнить рыночный и платформенный способы координации по ряду параметров.
3. Показать, как меняется природа транзакционных издержек, и ввести понятие их «переконфигурации».
4. Предложить схему гибридного «рыночно-платформенного» порядка.
5. Разобрать международный опыт регулирования (Китай, ЕС, США) и понять, что из него можно применить в России.
6. Сформулировать практические рекомендации для экономической политики, чтобы использовать потенциал платформ для опережающего роста.

Главный вопрос, на который мы ищем ответ: платформизация — это всего лишь развитие рыночного механизма или же его качественное изменение, ведущее к формированию принципиально нового экономического порядка?

Методология исследования

Методология исследования опирается на системный, сравнительный, институциональный и эволюционный подходы, а также теорию технологических укладов С.Ю. Глазьева.

Эмпирическая база

Эмпирическая база сформирована на основе открытых источников разных типов:

1. Публичные выступления и интервью академика С.Ю. Глазьева, материалы Московского экономического форума 2025 года [8;4;5].
2. Аналитика и прогнозы международных организаций и исследовательских центров: Cloud Native Computing Foundation [11], OECD [23], BRICS Competition Centre [15].
3. Официальные регуляторные документы: антимонопольные руководства Китая [14;22], документы Евросоюза (DMA, DSA) [12;20;28], материалы сравнительных исследований по регулированию [19;25;11;17].
4. Научные статьи в рецензируемых журналах, включая работы по теоретическим вопросам цифровизации [18;9;1;13;2;3;7;10].
5. Открытые статистические данные о развитии цифровых платформ, встречающиеся в научных публикациях и отчетах.

Источники отбирались по принципу доступности для проверки, авторитетности в своей области и актуальности (в основном это публикации 2024–2026 годов).

В качестве основных методов исследования использовались теоретический анализ и синтез, компаративный и институциональный анализ, метод теоретического моделирования, а также эволюционно-исторический метод.

Результаты исследования

Эволюция теоретических подходов к анализу экономических систем

Господствующая неоклассическая теория, по сути, описывает мир, которого нет в реальности. Это мир атомизированных агентов с совершенной информацией, где цены выступают единственным регулятором. Такая картина далека от действительности, где рынком управляют монополии, информация — это ценный актив и источник власти, а решения приходится принимать в условиях неопределенности, которая заложена в саму структуру системы.

Чтобы понять происходящее, нужен другой инструментарий — синтез институциональной и эволюционной экономики, но прежде всего — теоретическая система, основанная на идеях Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера. Речь о теории долгосрочного технико-экономического развития и концепции смены технологических укладов, которую развил в своих работах С.Ю. Глазьев [4].

В современной литературе можно выделить несколько подходов к осмыслению цифровизации экономики: эффективностный (цифровизация как фактор производительности), структурный (меняется отраслевая структура), процессный (трансформируются бизнес-процессы), ресурсный

(данные становятся новым ресурсом), коммуникативный (меняется характер взаимодействий) и другие [1, с. 9–11]. Само это многообразие говорит о том, что цифровая трансформация — явление сложное и многомерное.

Как заметил академик Глазьев на Московском экономическом форуме, позиция Центрального банка, который видит предел возможностей в низкой безработице, основана на устаревшей кривой Филлипса — концепции, от которой экономическая наука отказалась полвека назад. Якобы есть зависимость между низкой безработицей и высокой инфляцией, и ЦБ борется с инфляцией через борьбу с занятостью [3, с. 3].

Институты и технологические уклады

Институты — это уже далеко не «правила игры». Это механизмы, которые могут либо помогать становлению нового технологического уклада, либо, наоборот, консервировать отсталость, если это выгодно обладателям капитала, вложенного в уходящий уклад. С точки зрения неoinституциональной экономики, цифровая трансформация меняет структуру транзакционных издержек и ведет к появлению новых гибридных форм координации [2, с. 58]. Цифровые платформы можно уже рассматривать как эволюцию таких гибридных форм, где сочетаются рыночные механизмы и иерархический контроль.

Центробанк держит ключевую ставку на уровне, ограничивающим инвестиции и объективно действует в интересах старого, уходящего уклада [5]. Пока Китай и Индия через эмиссионное кредитование наращивают инвестиции в перспективные производства, российская денежно-кредитная политика продолжает сдерживать развитие реального сектора [3].

Платформы как институты нового типа

В этой логике платформы — это уже не «гибрид» между рынком и иерархией, а качественно новый институт, который соответствует производительным силам шестого технологического уклада. Исследователи выделяют у платформ несколько ключевых черт: они создают ценность, облегчая взаимодействие между разными группами пользователей, масштабируются за счет сетевых эффектов и контролируют ключевые точки взаимодействия (интерфейсы) [13, с. 870]. Как отмечается в новейших исследованиях, именно сетевые эффекты, масштабирование и механизмы блокировки пользователей (lock-in) лежат в основе формирования естественных монополий в цифровой среде [11, с. 2]. Шарый К.В. и Тарасов П.А. подчеркивают, что экосистемы и платформы становятся главными формами координации, перераспределяя роли между участниками рынка [10, с. 176].

Платформы возникают как способ резко снизить транзакционные издержки. Но если нет адекватного государственного регулирования, они быстро превращаются в инструмент для извлечения монопольной, или экосистемной, ренты. В исследовании Козловой Е.Д. показано, что цифровые платформы прошли в своем развитии три этапа: от простых LMS-систем (для администрирования) через LXP-платформы (для персонализации) к современным гибридным экосистемам, встроенным в стратегическое управление [3, с. 58]. Эта эволюция отражает общую логику: платформы движутся от решения узких, инструментальных задач к выполнению системообразующих функций.

Таблица 1 – Эволюция теоретических подходов к анализу платформенной экономики

Теоретическая школа	Ключевые представители	Основной объект анализа	Объяснительный потенциал для анализа платформ
Неоклассическая теория	А. Маршалл, Л. Вальрас	Рыночное равновесие, цены	Ограничен (не учитывает сетевые эффекты и институциональную специфику)

Теоретическая школа	Ключевые представители	Основной объект анализа	Объяснительный потенциал для анализа платформ
Теория двухсторонних рынков	Ж. Тириоль, Ж.-Ш. Роше	Сетевые эффекты, ценообразование	Высок (объясняет стратегии платформ по привлечению сторон)
Новая институциональная экономика	Р. Коуз, О. Уильямсон	Транзакционные издержки, гибридные формы	Высок (объясняет границы платформы и выбор форм координации)
Эволюционная экономика	Р. Нельсон, С. Уинтер	Рутин, отбор, инновации	Средний (объясняет диффузию платформенных моделей)
Теория технологических укладов	С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов	Длинные волны, технологические сдвиги	Высок (объясняет макроэкономический контекст платформизации)
Критический подход	Н. Срничек, Ш. Зубофф	Власть, надзор, эксплуатация	Средний (выявляет негативные последствия, но слаб в позитивной программе)

Источник: составлено автором на основе [1;2; 4;7;10;11]

Эмпирические данные говорят о стремительном росте платформенного сектора. Согласно исследованию журнала «Эксперт», за последние пять лет платформенная экономика удвоила свою рыночную стоимость и доходы: топ-100 крупнейших компаний отрасли достигли капитализации в 20 трлн долларов и выручки в 3,6 трлн долларов, обгоняя по темпам роста остальной крупный бизнес в два раза, а мировой ВВП — в четыре [9, с. 1]. Рентабельность в платформенном бизнесе выросла до 19% (при средней по миру в 9%), и пять из десяти самых дорогих компаний мира работают именно по платформенной модели [9, с. 2].

По данным ОЭСР, доля цифровых платформ в ВВП развитых стран достигла 4–7%, а в некоторых секторах (розница, такси, гостиничный бизнес) превышает 30–50% [23, с. 45]. В России, по данным Forbes, оборот интернет-сектора в 2025 году достиг 91 млрд долларов — это на 47% выше, чем годом ранее, причем 95% этой стоимости приходится всего на 30 крупнейших компаний [18, с. 1].

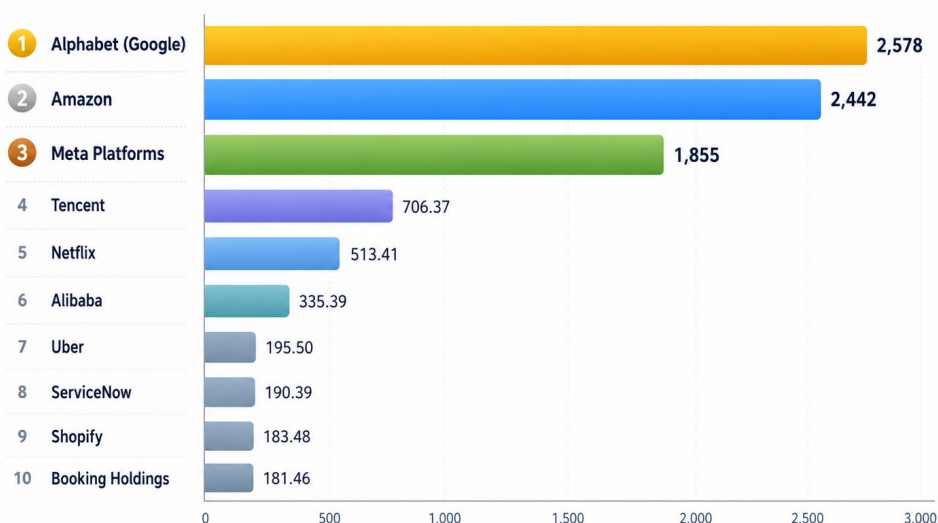
На глобальном рынке платформ наблюдается колоссальная концентрация: Amazon контролирует 34,2% мировой электронной коммерции, Temu — 19,6%, Shopify Plus — 14,3%, Meituan — 12,8%, TikTok Shop — 9,1% [12, с. 3].

Эволюция экономических систем не стоит на месте. От мануфактуры через фабрику к ТНК — теперь мы вступаем в эпоху платформенных экосистем. Если классический рынок XIX века держался на ценовом механизме, то современный — на алгоритмическом управлении. Это уже качественный скачок.

Согласно прогнозам, в 2026 году мы переходим к новой парадигме: ИИ-агенты будут не только генерировать код, а самостоятельно выстраивать инфраструктуру, исходя из целей, поставленных человеком. Разработчик задает требования высокого уровня, и ИИ-агент сам komponует, проверяет и предоставляет нужную инфраструктуру [11, с. 3]. Экономика помимо как цифровой, трансформируется в управляемую алгоритмами в реальном времени.

Крупнейшие цифровые платформы мира по капитализации (2025 г.)

по состоянию на 2 сентября 2025 г., млрд \$

Рисунок 1 – Крупнейшие цифровые платформы мира по капитализации (2025 г.)

Источник: составлено автором на основе [9;12]

В работе Демирова В.В. отмечается, что цифровизация становится возможной благодаря запуску специфических платформ на базе ИИ и блокчейна. Автор также напоминает о важности исторического опыта, такого как проект ОГАС В.М. Глушкова — попытки создать централизованную систему управления экономикой, ограничения которой сегодня могут быть преодолены с помощью новых технологий [2, с. 54]. Современные исследования в области блокчейн-технологий подтверждают этот тезис: смарт-контракты и децентрализованные платформы создают принципиально новые возможности для автоматизации договорных отношений и снижения транзакционных издержек, что было недоступно на предыдущих этапах технологического развития [28;16].

Таблица 2 – Сравнительный анализ рыночной и платформенной парадигм координации

Критерий	Рыночная парадигма (догма)	Платформенная парадигма (реальность)	Характер изменений
Механизм координации	«Невидимая рука» (стихийный порядок)	Алгоритмическое управление (программируемый порядок)	Смена спонтанности на целеполагание владельцев кода
Основной сигнал	Цена	Рейтинг, рекомендация, персонализированная цена	Приватизация механизма ценообразования
Роль информации	Общественное благо	Частное благо (актив платформы, основа власти)	Усиление асимметрии и власти капитала
Положение участников	Формальное равенство	Фактическая зависимость от платформы	Новый феодализм — «цифровой крепостной»
Конкуренция	Свободная	Управляемая (внутри платформы) и межплатформенная	«Рынки в стенах», конкуренция как иллюзия

Критерий	Рыночная парадигма (догма)	Платформенная парадигма (реальность)	Характер изменений
Структура рынка	Тенденция к равновесию	Тенденция к монополии (сетевые эффекты)	«Победитель получает всё»
Природа власти	Рассредоточена	Концентрирована у владельцев кода	Инфраструктурная власть
Пространственная организация	Географические рынки	Цифровое пространство (глобальное)	Детерриториализация
Барьеры входа	Относительно низкие	Высокие (сетевые эффекты, контроль данных)	Новые типы барьеров

Источник: составлено автором на основе [2;4;10;11]

Идеологи либерализма продолжают твердить о «свободной конкуренции», но на платформенных рынках действует совсем иная логика. Конкуренция здесь — процесс управляемый, он идет внутри стен, выстроенных платформой. Алгоритмы ранжирования, непрозрачные правила модерации, внезапные изменения комиссий — все это инструменты власти, которые в классической экономической теории даже не упоминались.

Вопреки мифам о том, что платформы только снижают издержки, важно понять механизм формирования новой власти. Да, платформы отлично решают проблему поиска и заключения сделки. Но, устраняя старые проблемы, они порождают новые, гораздо более изощренные формы зависимости. Этот процесс точнее всего описывать как переконфигурацию транзакционных издержек. Исследования в области микротранзакций показывают, что цифровые платформы способны снижать издержки проведения микроплатежей до 0,19% против 22,7% у традиционных платежных систем, однако это достигается за счет создания новых форм зависимости и контроля над пользователями [26, с. 72]. Теоретические модели также демонстрируют, что платформы в условиях возможной дезинтермедиации (ухода транзакций офлайн) прибегают к стратегиям «фронтальной загрузки» издержек, повышая плату за ранние транзакции, что усиливает зависимость пользователей [13, с. 15].

Таблица 3 — Трансформация структуры транзакционных издержек

Вид издержек	В рыночной модели	В платформенной модели	Эффект для участников	Механизм воздействия платформы
Издержки поиска	Высокие	Минимальные (агрегация, поиск, фильтры)	Позитивный (экономия времени)	Агрегация информации
Издержки измерения качества	Высокие	Средние (рейтинги, отзывы, верификация)	Позитивный (снижение риска)	Системы репутации
Издержки заключения контракта	Средние	Минимальные (акцепт оферты одним кликом)	Позитивный (упрощение)	Стандартные формы

Вид издержек	В рыночной модели	В платформенной модели	Эффект для участников	Механизм воздействия платформы
Издержки переключения	Низкие	Высокие (потеря рейтинга, истории, lock-in)	Негативный	Накопление репутации, интеграция сервисов
Издержки подчинения алгоритму	Отсутствуют	Высокие (необходимость изучать правила, риск демонетизации)	Негативный	Непрозрачность алгоритмов, частые изменения
Издержки потери приватности	Минимальные	Высокие (сбор и коммерциализация данных)	Негативный	Сбор данных по умолчанию
Издержки адаптации к изменениям	Низкие	Средние/Высокие	Негативный	Одностороннее изменение правил

Источник: составлено автором на основе [2;7;10;26]

Снижая издержки входа и доступа, платформа сознательно или объективно повышает издержки выхода. Накопленная репутация, история покупок, привязанные сервисы — это «золотые клетки» для пользователей. В этом и состоит суть перехода к новому укладу: старые издержки уходят, но на их место приходят новые, становящиеся источником огромной экосистемной ренты для владельцев платформ. Это уже не «невидимая рука» рынка, а «видимая рука» алгоритмического планировщика, работающая в частных интересах.

Мировой опыт, в отличие от догматических рекомендаций МВФ, показывает: эффективное развитие в рамках нового уклада возможно только при активной роли государства. Анализ международной практики позволяет выделить две принципиально разные модели регулирования платформенной экономики: европейскую (жесткую, экс-ант) и китайскую (гибкую, ориентированную на государственные интересы). Новейшие исследования показывают, что выбор между экс-ант и экс-пост регулированием должен зависеть от стадии развития платформы: на начальном этапе эффективно мягкое экс-пост регулирование, тогда как при достижении монопольной власти необходим переход к жесткому экс-ант регулированию [24, с. 25]. Это подтверждается и эволюцией подходов в китайской регуляторной практике [11;22].

Европейская модель. Евросоюз выбрал путь жесткого предварительного (экс-ант) регулирования через Digital Markets Act (DMA) и Digital Services Act (DSA). Как отмечает китайский исследователь Лиша Цин, ЕС внедряет проактивную, основанную на жестких правилах модель с заранее заданными обязательствами для «привратников» [11, с. 2]. Однако, по мнению профессора Wang Xiaoye, регулирование высокотехнологичных компаний в ЕС сталкивается с серьезными проблемами: ему не хватает объективности и беспристрастности. Кроме того, запреты, применяемые «пакетно», не учитывают экономическую эффективность вертикальной интеграции [28]. Современные дискуссии вокруг первого пересмотра DMA (май 2026 года) показывают, что малый и средний бизнес поддерживает усиление регулирования, тогда как сами платформы указывают на риски для пользовательского опыта и пропорциональности требований [20;16].

В монографии Марии Иоанниду и Бингвана Сюнга подчеркивается, что европейская модель на деле является инструментом промышленной политики, направленным на защиту европейских компаний от американских и китайских гигантов [19, с. 15]. Требования к «привратникам» в ЕС

настолько жесткие, что могут сдерживать инновации.

Китайская модель. Китай демонстрирует совершенно иной подход. В ноябре 2025 года Государственное управление по регулированию рынка КНР (SAMR) вынесло на публичное обсуждение «Руководящие принципы антимонопольного соответствия для интернет-платформ» [22, с. 2]. Этот документ призван помочь операторам платформ выявлять для себя антимонопольные риски. Китайские исследователи отмечают, что за последние годы в стране сформировалась эффективная система антимонопольного регулирования цифровых платформ, учитывающая их сетевую природу и особенности рыночной власти в цифровой среде [11, с. 5]. В руководстве описаны восемь сценариев высокорискового поведения [22, с. 3]:

1. Антиконтентный сговор с использованием алгоритмов.
2. Организация или помощь продавцам на платформе в достижении антиконкурентных соглашений.
3. Установление платформами необоснованно высоких цен.
4. Продажа товаров или услуг ниже себестоимости.
5. Блокировка контента и приостановка учетных записей.
6. Навязывание эксклюзивных соглашений.
7. Требование к продавцам устанавливать самые низкие цены.
8. Дискриминационное обращение.

Как заявил Ху Пинцзе, заместитель директора Второго бюро по борьбе с монополиями SAMR, существующая в Китае конкурентная регуляторная структура — это эффективная система, сложившаяся за долгое время и подходящая для развития цифровой экономики страны [15, с. 2]. Китайский подход — это поиск баланса между жестким контролем и поддержкой национальных лидеров.

В январе 2026 года были приняты новые редакции правил «безопасной гавани» для вертикальных соглашений. Согласно им, для ценовых вертикальных соглашений порог доли рынка установлен в 5% при обороте менее 100 млн юаней, для неценовых — 15% [14, с. 1]. Это показывает гибкий, дифференцированный подход к регулированию.

В статье, опубликованной в *Concurrences*, критикуется европейский подход: «DMA может рассматривать действия, не имеющие антиконкурентных последствий, как «незаконные», что противоречит общим экономическим принципам традиционного антимонопольного права. Китаю не стоит учиться у европейской модели, так как это серьезно подорвет инвестиционную активность и инновации китайских интернет-компаний» [20, с. 1].

Таблица 4 – Сравнительный анализ моделей регулирования платформенной экономики

Характеристика	Европейская модель (DMA)	Китайская модель	Американская модель
Тип регулирования	Экс-ант (предварительное)	Экс-пост (реактивное) + гибкие инструменты	Прецедентное, экс-пост
Основные акты	DMA, DSA	Антимонопольный закон, руководства SAMR	Антитрастовое законодательство, прецеденты
Критерии для платформ	Количественные (оборот, число пользователей)	Качественные + поведенческие	Качественные (рыночная власть)
Санкции	Штрафы до 20% глобального оборота	Штрафы, принудительная реструктуризация	Штрафы, разделение компаний

Характеристика	Европейская модель (DMA)	Китайская модель	Американская модель
Подход к инновациям	Риск подавления	Баланс контроля и поддержки	Поощрение конкуренции
Отношение к национальным лидерам	Нейтральное (де-факто защита европейских)	Активная поддержка	Либеральное

Источник: составлено автором на основе [12;14;15;17;19;20;22;25;28]

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько основных выводов.

Во-первых, эволюция экономических систем в XXI веке идет в сторону формирования платформенного порядка. Он не отменяет рынок, но серьезно меняет условия его работы. Платформы превращаются в мета-институты, берущие на себя функции частных регуляторов. Складывается гибридный рыночно-платформенный порядок, где классическая конкуренция идет уже внутри иерархически организованной цифровой среды. Как справедливо замечают Шарый К.В. и Тарасов П.А., в региональной политике намечается переход к экосистемному подходу, развитию публично-частных платформ и гибкому регулированию [10, с. 177].

Во-вторых, эффективность платформ основана на переконфигурации транзакционных издержек. С одной стороны, они минимизируют издержки поиска и заключения контрактов. С другой — создают издержки зависимости (переключение, подчинение алгоритмам, потеря данных), что усиливает власть экосистем и служит источником экосистемной ренты. Это подтверждает мысль Демирова В.В. о том, что глубокая трансформация методов ведения бизнеса из-за информатизации переходит в фазу комплексной цифровизации всей экономики [2, с. 55]. Новейшие эмпирические исследования показывают, что снижение транзакционных издержек на микроуровне (до 0,19% при использовании блокчейн-платформ) сопровождается ростом издержек переключения и зависимости, что подтверждает концепцию переконфигурации [26, с. 75]. Теоретические модели также демонстрируют, что платформы оптимизируют свою ценовую политику таким образом, чтобы максимизировать издержки выхода для пользователей [13, с. 18].

В-третьих, международная практика регулирования дает два принципиально разных образца. Европейская модель (DMA) — это жесткое предварительное регулирование, которое, по мнению китайских экспертов, служит инструментом промышленной политики, направленным против крупных онлайн-платформ из Китая и США [20, с. 2]. Китайская модель, наоборот, делает ставку на гибкость, сочетая жесткий контроль внутри страны с поддержкой национальных лидеров на глобальном рынке. Сравнительный анализ показывает, что оптимальная регуляторная стратегия должна учитывать стадию развития платформы: экс-пост регулирование на начальном этапе и экс-ант — при достижении монопольной власти [24, с. 28]. Как подчеркивает Ху Пинцзе, Китай изучает зарубежные модели, но не стремится копировать их, предпочитая исходить из своих национальных реалий [15, с. 1].

В-четвертых, в монографии под редакцией Е.В. Попова вводится важное понятие «эконотроника» — отрасли экономики XXI века, которая изучает, как изменились общественные связи под влиянием интернета и цифровизации [7, с. 6]. Это понятие фиксирует качественное изменение природы экономических взаимодействий. Развитие блокчейн-технологий и смарт-контрактов открывает новые возможности для эконотроники, создавая прозрачную среду транзакций и автоматизируя договорные отношения [28;16].

Полученные результаты могут быть полезны для формирования экономической политики в России. Как отмечает С.Ю. Глазьев, у России есть научно-технический потенциал в ряде высокотехнологичных отраслей, и если его активно использовать, можно совершить рывок. Для

этого нужна стратегия опережающего развития [4, с. 2].

Выступая на Московском экономическом форуме в апреле 2025 года, Глазьев отметил, что спор о пределе выпуска продукции в последние годы разрешался только за счет роста госзаказа. Главным драйвером стал рост государственного спроса, подкрепленный опережающим ростом инвестиций, где темпы достигают двузначных цифр. Потенциал для роста есть: Россия могла бы производить на четверть больше, если бы удалось связать все имеющиеся ресурсы в производственном процессе [3, с. 4].

Но ключевая проблема сегодня — денежно-кредитная политика. По словам академика, мощности не могут быть загружены, потому что кредит недоступен. Промышленность сильно закредитована и работает на кредитах. За исключением добычи и субсидируемых отраслей, вся экономика лишена доступа к кредиту. На одних оборотных средствах осваивать современные технологии нереально [3, с. 5]. С.Ю. Глазьев резюмирует: Центробанк из механизма создания денег превратился в механизм их изъятия [5, с. 2].

Опираясь на сравнительный анализ международного опыта, можно предложить следующие рекомендации для России:

1. Не стоит слепо копировать европейскую модель DMA, так как она может подавить инновации и развитие национальных платформ. Китайский опыт показывает, что жесткие экс-ант требования не всегда отвечают национальным интересам стран, стремящихся развивать своих платформенных лидеров [20;28].

2. Целесообразно перенять китайский подход к идентификации высокорисковых практик, выделив четкие критерии неприемлемого поведения платформ: алгоритмический сговор, дискриминация, навязывание эксклюзивности [15;22].

3. Разработать дифференцированное регулирование для разных типов платформ (транзакционные, инновационные, социальные), как это предлагается, например, в классификации Козловой Е.Д. [3, с. 62]. При этом следует учитывать, что оптимальная стратегия регулирования должна меняться по мере развития платформы: от мягкого экс-пост на начальном этапе к жесткому экс-ант при монополизации [24, с. 30].

4. Обеспечить баланс между контролем и поддержкой, создав условия для роста национальных платформенных лидеров, способных конкурировать на глобальном рынке, но при этом ограничив их монопольную власть внутри страны.

5. Кардинально пересмотреть макроэкономическую политику: перейти к целевым механизмам рефинансирования ЦБ, ввести валютный контроль для предотвращения оттока капитала, увеличить расходы на НИОКР в сфере цифровых технологий в разы [4].

Основное ограничение этого исследования — его теоретико-методологический характер и опора преимущественно на качественные методы. Нехватка долгосрочной статистики по платформенной экономике ограничивает возможности для количественной проверки предложенных решений.

Направления для будущих исследований, как отмечается в литературе [1, с. 12], могут включать:

1. Эмпирический анализ конкретных платформенных рынков количественными методами.
2. Моделирование того, как алгоритмическое управление влияет на поведение экономических агентов.
3. Попытки измерить экосистемную ренту и разработать методы ее оценки.
4. Изучение децентрализованных альтернатив (Web3, DAO, блокчейн-платформы) как способа демократизации цифровой экономики.
5. Сравнительный анализ эффективности разных моделей регулирования.
6. Исследование социальных последствий платформизации: влияние на занятость, неравенство, социальные связи.

Заключение

Мир стоит на пороге формирования нового, интегрального мирохозяйственного уклада. В Журнал «Теоретическая экономика» № 5 | 2026

нем не будет места слабо контролируемому рынку XIX века, ни монетарному фундаментализму века XX-го. Экономика будущего — это экономика планирования, но не бюрократического, а научно обоснованного, где цифровые платформы могут стать инструментами государственного управления и общественного контроля. Современные технологии — агентный ИИ, блокчейн, платформенные решения — создают для этого техническую базу.

Как отмечается в прогнозе CNCF, новая задача для ИТ-лидеров — перестать рассматривать ИИ всего лишь как функцию, а начать проектировать агентскую инфраструктурную платформу, которая сможет эффективно управлять механизмами контроля [11, с. 5].

Платформенная экономика — это не дань моде и не очередная бизнес-ниша. Это объективная реальность нового технологического уклада. Либо мы как государство научимся управлять этим процессом, ставить платформы на службу обществу и использовать их для опережающего развития, либо они станут инструментом окончательного подчинения страны транснациональному капиталу.

У России есть шанс совершить рывок, используя свой научный и интеллектуальный потенциал. Но для этого необходимо сменить либерально-монетаристскую экономическую модель на мобилизационную, стратегическую, ориентированную на становление высоких технологических укладов.

Как резюмирует С.Ю. Глазьев, страны, которые опоздают с созданием базовых производств нового уклада, окажутся в ловушке «догоняющего развития» на долгие годы, до следующего «окна возможностей» [4, с. 3]. В данном случае промедление действительно может иметь критические последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ этапов развития цифровизации экономики: эволюция, взгляды авторов и подходы к изучению понятия // От химии к технологии шаг за шагом. — 2025. — Т. 126, № 2. — С. 4–14. — URL: <https://chemintech.ru/ru/nauka/article/93385/view> (дата обращения: 13.03.2026).
2. Демиров В.В. Алгоритм и капитал: взаимодействие на пути к становлению цифровой экономики // Международный бизнес. — 2025. — № 1(11). — С. 53–74. — DOI: 10.24833/2949-639X-2025-1-11-53-74.
3. Козлова Е.Д. Эволюция и классификация цифровых платформ в условиях технологической трансформации // *π-Economy*. — 2025. — Т. 18, № 6. — С. 54–70. — DOI: 10.18721/πE.18603.
4. МЭФ-2025: I Пленарная дискуссия «Новая индустриализация и умножение народа» // Московский Экономический Форум. — 2025. — 1 апреля. — URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2025-i-plenarnaya-diskussiya-novaya-industrial/> (дата обращения: 15.03.2026).
5. МЭФ-2025: Сессия №3 «Пора ли национализировать Центробанк России?» // Московский Экономический Форум. — 2025. — 1 апреля. — URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2025-sessiya-3-pora-li-natsionalizirovat-tsent/> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Покровская Н.Н. Позиционирование и коммуникация в цифровой среде: исследование цифровых следов: монография / Покровская Н. Н.; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2025. — 126 с.
7. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Комарова О.В. и др. Экономические экосистемы: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., чл.-кор. РАН Е.В. Попова. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 356 с.
8. Сергей Глазьев: Московский экономический форум предложит стратегию опережающего развития российской экономики! // Московский Экономический Форум. — 2025. — 17 марта. — URL: <https://me-forum.ru/media/news/17369/> (дата обращения: 12.03.2026).
9. Соколов Д. Передовики производства и потребления. Как платформы поделили мировые рынки // Эксперт. — 2026. — 19 февраля. — URL: https://expert.ru/rating/arkhiv_r/ekonomikar/renking-100-krupneyshikh-mirovykh-platform/peredoviki-proizvodstva-i-potrebleniya/ (дата обращения: 12.03.2026).
10. Шарый К.В., Тарасов П.А. Теоретические аспекты влияния цифровизации на трансформацию региональной экономической политики // Менеджер. — 2025. — № 8(114). — С. 174–183. — DOI: 10.5281/zenodo.17786962
11. Awan A. The autonomous enterprise and the four pillars of platform control: 2026 forecast // Cloud Native Computing Foundation. — 2026. — 23 January. — URL: <https://www.cncf.io/blog/2026/01/23/the-autonomous-enterprise-and-the-four-pillars-of-platform-control-2026-forecast/> (дата обращения: 25.02.2026).
12. Best Selling Platforms: 2026 Market Share Analysis & Growth Strategies // Alibaba.com. — 2026. — March. — URL: <https://www.alibaba.com/product-insights/best-selling-platforms-2026-market-share-analysis-growth-strategies.html> (дата обращения: 03.03.2026).
13. Bonina C., Koskinen K., Eaton B. Digital platforms for development: Foundations and research agenda // *Information Systems Journal*. — 2021. — Vol. 31, No. 6. — P. 869–902. — DOI: 10.1111/isj.12326.
14. China Clarifies «Safe Harbor» Rules for Vertical Agreements: Key Antitrust Compliance Implications // Chambers and Partners. — 2026. — 14 January. — URL: <https://chambers.com/articles/china-clarifies-safe-harbor-rules-for-vertical-agreements-key-antitrust-compliance-implications> (дата обращения: 02.03.2026).
15. China Sticking with Own Tech Rules Over EU Approach, SAMR Official Says // BRICS Competition Centre. — 2025. — 9 April. — URL: <https://www.bricscompetition.org/ru/news/china-sticking-with-own-tech-rules-over-eu-approach-samr-official-says> (дата обращения: 12.03.2026).
16. Commission publishes summary and responses to the consultation on the ongoing review of the Digital Markets Act // European Commission. — 2026. — 8 January. — URL: <https://ec.europa.eu/commission/>

presscorner/api/documents?reference=mex/26/54&language=en (дата обращения: 15.03.2026).

17. Enache A., Rhodes A. Platform Disintermediation with Repeated Transactions // *Management Science*. — 2025. — Published online. — DOI: 10.1287/mnsc.2025.02150.

18. Forbes: рейтинг самых дорогих компаний Рунета 2025 // *Forbes Russia*. — 2025. — 25 ноября. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/531064-lidery-rejtinga-samyh-dorogih-kompanij-runeta-2025> (дата обращения: 12.03.2026).

19. Ioannidou M., Xiong B. Competition law and policy in digital markets: a comparative analysis of the EU and China. — Oxford: Oxford University Press, 2025. — 256 p. — URL: [https://library.law.suffolk.edu/search~\\$5?/cK3876+.E42+2009/ck++3876+e42+2009/-53%2C1%2C1%2CE/frameset&FF=ck++3850+i6+2025&0%2C0%2C](https://library.law.suffolk.edu/search~$5?/cK3876+.E42+2009/ck++3876+e42+2009/-53%2C1%2C1%2CE/frameset&FF=ck++3850+i6+2025&0%2C0%2C) (дата обращения: 12.03.2026).

20. Is it Really Necessary for China's Antimonopoly Regulation of Its Digital Market to Learn from the EU DMA Model? // *Concurrences*. — 2026. — 12 January. — URL: <https://awards.concurrences.com/en/awards/2026/academic-articles/is-it-really-necessary-for-china-s-antimonopoly-regulation-of-its-digital> (дата обращения: 01.03.2026).

21. Jasper van den Boom J. Regulating Competition in the Digital Network Industry. — Cambridge: Cambridge University Press, 2026. — 250 p. — URL: <https://www.lehmanns.de/shop/recht-steuern/80698167-9781009671699-regulating-competition-in-the-digital-network-industry> (дата обращения: 15.03.2026).

22. Main Developments in Competition Law and Policy 2025 — China // *Wolters Kluwer*. — 2026. — 20 January. — URL: <https://legalblogs.wolterskluwer.com/competition-blog/main-developments-in-competition-law-and-policy-2025-china/> (дата обращения: 12.03.2026).

23. Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future. — Paris: OECD Publishing, 2019. — 268 p. — URL: https://www.oecd.org/en/publications/measuring-the-digital-transformation_9789264311992-en.html (дата обращения: 12.03.2026).

24. Peng G., Zhang X., Liu Y. Ex-post vs. ex-ante regulation on platforms' discriminatory pricing under different market structures: an evolutionary game study // *Electronic Commerce Research*. — 2026. — Vol. 26, No. 1. — P. 15–32. — DOI: 10.1007/s10660-024-09933-3.

25. Qing L. How China and the European Union Regulate the Abuse of Market Dominance in the Platform Economy // *Lund University Publications*. — 2025. — URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/9194723> (дата обращения: 12.03.2026).

26. Wright C.S. Optimizing Global Micropayments Through Bitcoin's On-Chain Architecture for Enhanced Scalability and Economic Efficiency // *Walden Dissertations and Doctoral Studies*. — 2025. — 18864. — URL: <https://scholarworks.waldenu.edu/dissertations/18864/> (дата обращения: 15.03.2026).

27. 互联网平台垄断治理的研究进展与展望 // *国研网*. — 2026. — 9 January. — URL: <https://d.drcnet.com.cn/?docid=8116663&leafid=24303> (дата обращения: 15.03.2026).

28. 徐慧. 在发展中不断完善数字经济法治体系 // *上海法治报*. — 2025. — 24 сентября. — С. B02. — URL: http://www.shfzb.com.cn/shfzb/html/2025-09/24/content_150504_2661658.htm (дата обращения: 12.03.2026).

Evolution of economic systems in the era of changing technological paradigms: from market fundamentalism to an integral platform order

Glushak Nikolay Vladimirovich

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

E-mail: GNW3@yandex.ru

KEYWORDS

technological structure,
world economic structure,
platform economy, digital
platforms, transaction costs,
ecosystem rent, advanced
development, algorithmic
management, network effects

ABSTRACT

The article examines the evolution of economic systems amidst the shift in technological and world economic paradigms, accelerated by digitalization and the proliferation of platform business models. The aim of the study is to substantiate the platform economy as a qualitatively new integral order that combines market mechanisms, hierarchical coordination, and algorithmic governance. The methodological basis comprises systemic, institutional, comparative, and evolutionary approaches, the theory of technological paradigms, as well as methods of theoretical modeling and comparative analysis of international regulatory practice. The empirical foundation consists of scientific publications, open statistics, documents of international organizations, and regulatory acts characterizing the development of the platform sector and modern approaches to its state regulation. It is demonstrated that digital platforms perform the functions of meta-institutions and private regulators: they establish rules of access and interaction, manage information flows, pricing, and competition, concentrating infrastructural power in the hands of data and algorithm owners. The scientific novelty lies in the development of the transaction cost reconfiguration concept. It is established that the reduction of search, quality measurement, and contract conclusion costs is accompanied by an increase in switching costs, subordination to algorithms, adaptation to unilateral rule changes, and loss of privacy. This transformation creates a stable dependence of participants on platforms and serves as a source of ecosystem rent. A comparison of European, Chinese, and American regulatory models revealed differences between strict ex-ante control, a flexible combination of ex-post and ex-ante instruments, and a case-based antitrust approach. It is concluded that a differentiated regulatory strategy is advisable for Russia, one that takes into account the development stage of platforms, supports national digital ecosystems, and simultaneously limits the abuse of market power. The practical significance of the results is associated with the formulation of a proactive development policy focused on technological sovereignty, investments in the new paradigm, and the use of platform infrastructure in the public interest.
